

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-4-15-28
EDN: KNXXSG

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ДЕМОГРАФИЧЕСКОМУ ВОСПРОИЗВОДСТВУ И ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

Ткаченко А. А.

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
(125167, Россия, Москва, Ленинградский проспект, 49/2)

E-mail: alaltkachenko@gmail.com

Для цитирования:

Ткаченко А. А. Концептуальные подходы к демографическому воспроизводству и демографическая политика // Народонаселение. — 2025. — Т. 28. — № 4. — С. 15-28. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-4-15-28; EDN: KNXXSG

Аннотация. Тема исследования — концепции демографической политики и новые национальные проекты в свете их преемственности. Объект исследования — основные положения концептуальных документов по демографической и семейной политике. Цель исследования — выявить меру преемственности в целях и задачах демографического развития России в связи с принятием новых национальных проектов. Методы исследования — сопоставительный анализ документов федеральных институций и анализ возможных для апробации аналогичных решений других стран. Результаты исследования: показано отсутствие чёткого разграничения демографической и семейной политики в разрабатываемых новых национальных проектах, их перенасыщенность сведениями и задачами, не имеющими прямого отношения к этим видам социальной политики. На примере фельдшерско-акушерских пунктов, сокращающихся с 2014 г. даже в годы пандемии, сделан вывод, что без изменения подобных тенденций достижение основной цели — повышение благополучия граждан — невозможно; в полноценном развитии детей и их благополучии важнейшую роль играет система здравоохранения, которая нуждается в существенном улучшении. Обоснован вывод о неправомерности критики материнского капитала из-за возможного роста иждивенчества — это явление неизбежно при любом виде социальных выплат, но оно мизерно по сравнению с общей пользой пособий. Реальный недостаток института материнского/семейного капитала заключается в отсутствии дифференцированной шкалы выплат в зависимости от доходов семьи. Приоритетом демографической политики на данном этапе достижения национальных целей развития должно стать сокращение смертности населения, в первую очередь сверхсмертности мужского населения трудоспособного возраста.

Ключевые слова: национальные проекты, демографические концепции, учреждения здравоохранения, демография села, снижение смертности, человеческий капитал.

Постановка проблемы

В 2025 г. заканчивается действие Концепции демографической политики Российской Федерации¹. Реализация любой концепции даже при существовании стратегии с той же основной целью, но рассчитанной на более долгосрочную перспективу, наталкивается на препятствия объективного свойства, которые требуют внесения изменений в программы и планы в рамках осуществления самой концепции. Это случилось и с Концепцией-2025, так как через 5 лет после её принятия вышел указ о «О мерах по реализации демографической политики Российской Федерации»². И хотя указ поручал органам государственной власти разработать региональные проекты по направлению «Демография», реальное выполнение уже допускало смещение понятий. Так, субъекты Федерации принимали законы по социальной поддержке граждан, имеющих несовершеннолетних детей, что было связано с содержанием пункта 2 указа, вменяющего регионам установить бедным семьям ежемесячную денежную выплату в размере прожиточного минимума ребенка при рождении третьего или последующих детей до достижения ребёнком возраста 3 года. Этот пункт указа связан не с демографической политикой, а с политикой социальной помощи/поддержки наименее обеспеченным семьям. Такие разночтения могут возникать и при появлении новых национальных проектов.

Предварительные итоги разработки новых национальных проектов были рассмотрены на заседании нового Госсовета³ в декабре 2024 г., и правительство сообщило о готовности 12 проектов. Среди ключевых сфер, названных в основных документах 2024 г., с одной стороны, на первом месте стоят взаимосвязанные демография и повышение благополучия граждан, а далее — решение экологических проблем

и улучшение качества жизни людей, и только за ними идёт бизнес. С другой стороны, национальный проект «Демография» завершил своё существование, хотя само направление «Человеческий капитал» считается существующим и наполненным четырьмя другими национальными проектами, которые будут действовать номинально 6 лет, начиная с года их принятия. Но если ранее все проекты были напрямую направлены на количественный рост человеческого капитала и повышение его качества, то теперь многие из них имеют к этому направлению очень косвенное отношение. Более точно можно будет судить только после опубликования паспортов проектов, но, например, расшифровка правительством проекта «Кадры» — обеспечение экономики востребованными сотрудниками свидетельствует о переходе к более узкой задаче. Необходимо проанализировать, как новые проекты связаны с демографической политикой и её концепциями и насколько они отвечают целям этой политики.

Концепции демографической политики и национальные цели развития 2030/2036 в области демографических процессов и развития народонаселения

За время действия Концепции-2025 большинство регионов предпринимали ряд мер помощи семьям и даже по стимулированию рождения ребёнка, устанавливая выплаты региональных семейных/материнских капиталов и более высокие пособия на ребёнка. Низкая эффективность воздействия таких мер отмечалась как региональными, так и высшими федеральными службами⁴. Возникает закономерный вопрос: если в регионах не работают все предпринимаемые меры, то почему они будут работать на федеральном уровне? Представляется, что вывод В. И. Матвиенко о необходимости переосмыслить все меры и программы, которые направлены на решение проблем демографии в регионе, следует распростра-

¹ Указ Президента Российской Федерации от 09.10.2007 № 1351 (далее — Концепция-2025).

² Указ Президента РФ от 07.05.2012 N 606.

³ Совет по реализации государственной демографической и семейной политики.

⁴ Матвиенко предложила Мордовии давать квартиру по соцнайму при рождении первенца // Демоскоп weekly. — URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2025/01063/rossia01.php#9> (дата обращения: 1.04.2025).

нить и на переосмысление первоочерёдности демографических проблем в стране в целом.

Отметим, что Концепция-2025 принята всего через 6 лет после первой федеральной концепции 2007 года⁵ и за 8 лет до её окончания. Чем руководствовались при принятии новой концепции и, главное, подводили ли итоги воздействия первой? Наиболее полно сравнение двух концепций дал 10 лет назад Л.Л.Рыбаковский [1]. Отметим два важных момента: рассматривая пересекающиеся с Концепцией-2025 концепции о миграционной и семейной политике, автор говорит о таком явном их недостатке как перегруженность; кроме того, им точно подмечено взаимодействие семейной и демографической политики [1, с. 68]. Также важна идея о стандартизации принятых документов, «которые определяют на многие годы решение жизненно важных для страны проблем» [1, с. 69]. Важность стандартизации документов, принимаемых в области социальной политики, относящейся к демографии, семье и миграции, отрицать никто не может, но эта идея так и остаётся невоплощенной даже сейчас при принятии новых, теперь уже среднесрочных (а не кратко) целей развития. К сожалению, проанализированные в том числе ниже, документы высших институций страны, принятые в 2024–2025 гг., свидетельствуют об продолжающемся уходе от стандартизации и всё тех же усилиях вместить в любой документ обширные задачи развития из разных сфер жизни российского общества, в том числе в План правительства по достижению национальных целей развития⁶.

Говоря о концепциях, принятых в 2001 и 2007 гг., напомним, что первая отечественная концепция демографического развития была принята Минтрудом РФ в 1995 г. и называлась «Современное состояние, прогноз и концепция демографи-

ческого развития Российской Федерации», она готовилась группой ведущих демографов страны⁷. В этой концепции разработчики на первое место поставили повышение уровня здоровья населения, с чего следует начинать осуществление программ, ориентированных на население России. Это относилось как к антикризисной, так и к стратегической программе, а политика в отношении семьи и рождаемости была на втором месте. Вернёмся к недостатку, свойственному большинству выходящих из институциональных источников концептуальных и даже стратегических документов — это их перенасыщенность фактами и задачами не только из направления, которое является основным в том или ином случае, но даже из просто соприкасающихся сфер. Так, действующая демографическая концепция, как было отмечено Л.Л.Рыбаковским, «перегружена конкретными мерами, то есть тем, чего при подготовке концепции 2001 г. удалось избежать» [1, с. 67]. Спустя четверть века избежать этого не удаётся и даже, напротив, насыщение всех рядом расположенных документов повторяющимися темами прогрессирует⁸. Обратимся к вновь принятым документам.

В 2024 г. завершился национальный проект «Демография», и были установлены новые национальные задачи на период до 2036 г., для решения которых разрабатывались новые и обновлялся ряд прежних национальных проектов. Новые национальные проекты «Семья», «Молодёжь и дети», «Продолжительная и активная жизнь», заменившие прежние в направлении «Человеческий капитал», обсуждались на Госсовете, посвящённом поддержке института семьи. На Совете правительство заявило о готовности 12 нацпроектов и утвердило «Единый план по достижению национальных целей». Судя по тексту этого плана, на первом месте остаётся проблема демографического развития, а именно — «важнейшим

⁵ Концепция демографического развития Российской Федерации на период до 2015 года (Распоряжение Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2001 года № 1270-р).

⁶ Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации до 2030 года и на перспективу до 2036 года. — URL: <http://government.ru/news/53927/> (дата обращения: 1.04.2025).

⁷ Демографическая энциклопедия. — Москва : Энциклопедия, 2013. С. 566.

⁸ Создаётся впечатление, что авторы подкрепляют свои идеи, сформулированные цели или задачи, всем имеющим хотя бы косвенное отношение к предмету, но это не делает его более обоснованным.

фактором развития останутся демографические вызовы»⁹. Напомним, что таковыми они остаются для российского общества уже треть века [2]. Оставим в стороне вопрос: как вызовы могут быть фактором развития(?!), и сосредоточимся на поставленных целях: стабилизация рождаемости, снижение смертности, повышение продолжительности жизни. Итак, повышение рождаемости¹⁰ как цель отсутствует в плане правительства по достижению национальных целей 2036 г., но сама рождаемость остаётся на первом месте: «коварство» записи состоит в том, что стабилизировать можно на существующем, очень низком уровне, но это ли цель пронаталистской политики? Второе и третье места занимают взаимосвязанные явления: снижение смертности всегда сопровождается повышением ожидаемой продолжительности жизни. Признается также неизбежное «в силу объективных демографических трендов»¹¹ сокращение численности населения.

В названии раздела плана, посвящённого демографии, на первое место как национальная цель выходит сохранение населения, укрепление здоровья, затем идет повышение благополучия людей и лишь последней — поддержка семьи. Но в структуре раздела на первом месте стоит рождаемость, и целевым показателем обозначено повышение суммарного коэффициента рождаемости (СКР), а пути достижения этого повышения описаны так эклектично, что непонятно то звено, за которые надо браться в первую очередь. Остановимся лишь на одном ключевом инструменте, обозначенном в плане: «создание женских консультаций, оснащение детских поликлиник современным оборудованием, в том числе в сельской местности, посёлках городского типа, ма-

лых городах»¹². Перечислены важные меры демографической и здравоохранительной политики, не имеющие отношения к уровню рождаемости, который отражает СКР. Эти меры способны привести к улучшению охраны здоровья матери и ребёнка. Это важнейшая часть демографической политики — сохранение жизни на первом месте как в концепции демографического развития, так и в политике государства и общества. Правомерно выделяются посёлки, малые города и сельская местность — стоило даже написать не «в том числе», а в первую очередь, так как в сельской местности младенческая смертность выше, чем в городе, на 19,1% (2022)¹³, в то время как смертность детей до 1 года в 1940 г. на селе была на 21,3% ниже, чем в городе¹⁴.

План правительства говорит о создании женских консультаций, но их численность дается Росстатом только в сумме с детскими поликлиниками. Даже эти, суммарные данные, свидетельствуют, что снижение их числа в период пандемии не было компенсировано в 2023 г. и их общее число пока ниже 2020 г. на 1%. Более неблагоприятная ситуация видна на динамике числа фельдшерско-акушерских пунктов, которые не просто единственные медучреждения во многих сельских населённых пунктах, но и несут такую важную нагрузку, как патронаж детей до 3 лет¹⁵. Если численность сельского населения сократилась за 2000–2023 годы на 6,1%, то число названных медицинских пунктов, обслуживающих это население — на 25,1%. Это единственная доступная часть системы здравоохранения в сельской местности, но с периода экономической стагнации 2014 г. число пунктов ежегодно сокращалось, даже в годы пандемии. Уменьшение сельского населения

⁹ Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации до 2030 года и на перспективу до 2036 года. — URL: <http://government.ru/news/53927/> (дата обращения: 1.04.2025).

¹⁰ Мы избегаем в данном случае термина «уровень рождаемости», так как он отсутствует в институциональных документах.

¹¹ Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации до 2030 года и на перспективу до 2036 года. — С. 10. — URL: <http://government.ru/news/53927/> (дата обращения: 1.04.2025).

¹² Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации до 2030 года и на перспективу до 2036 года. — С. 16. — URL: <http://government.ru/news/53927/> (дата обращения: 1.04.2025).

¹³ Рассчитано по: Демографический ежегодник России. 2023: Стат. сб./ Росстат. — Москва, 2023. — С. 89–90.

¹⁴ Рассчитано по: [3, с. 98].

¹⁵ К сожалению, в «Демографическом ежегоднике» данные о детской смертности даются только для всего населения без разделения на город и село — не так, как показатели по младенческой или перинатальной смертности.

не должно играть никакой роли в обосновании сокращения числа пунктов, напротив, при такой тенденции выполнение нацпроектов и достижение основной объявленной цели 2036 г. — повышение благополучия граждан, невозможно. Поэтому национальные проекты, затрагивающие эту сферу демографического развития, должны были бы ставить задачу не просто их увеличения, а роста насыщенности на каждые 100/1000 человек. Пока же Росстат публикует только показатель числа коек для детей в расчёте на 10 тыс. детей только для всего населения. Если в 2000 г. этот показатель составил 86,6 (максимум был достигнут в 1990 г. — 98,4), то затем сократился почти в 2 раза, и только в годы пандемии (с 2021 г.) вернулся к росту: в 2023 г. он достиг всего лишь 58,4% от уровня 2000 года. Вероятно, многие эксперты говорили разработчикам нацпроектов о необходимости увеличения финансирования именно этого направления, но результата пока нет.

Основным в современных концепциях демографической политики нам представляется «здравоохранительное направление» — борьба за снижение смертности, особенно среди мужчин в трудоспособном возрасте. Остальные цели этой политики должны подчиняться этому приоритету как императиву. Вывод о первостепенной важности проблемы высокой смертности мужчин в нашей стране делается уже в течение нескольких десятилетий. Новейшие исследования на основе моделирования показывают актуальность снижения смертности, особенно в трудоспособном возрасте. Кроме того, исследователи доказали, что, учитывая экономическое богатство России, продолжительность жизни может быть существенно выше. Поэтому В.Школьников и соавторы приходят к выводу: «поддержание прогресса [в снижении смертности], наблюдаемого в течение последнего десятилетия, зависит от способности российского правительства и общества выделять адекватные ресурсы на здоровье людей» [4], совпадающему с целым рядом работ [5; 6].

В 2015 г. в сравнительной оценке демографических концепций Л.Л.Рыбаковский

отмечал, что «в результате смещения понятий в демографическую политику включено то, что относится к социальной политике, в частности повышение качества жизни населения» [1, с. 67]. Это задача — рост качества жизни, оценка которой в виде верификации невозможна, стала настолько популярной среди разработчиков, что до сих пор проникает во все государственные проекты, программы, концепции, чему бы они не были посвящены. И в плане Правительства РФ по выполнению Указа о новых национальных проектах записано, что одним из важнейших индикаторов качества жизни является её продолжительность. Для этого, по мнению Правительства РФ, нужно разработать и реализовать «семейно-ориентированную демографическую политику». Вероятно, этот новый термин в демографию вводится с той целью, чтобы исследователи не спорили о сути отличий семейной политики государства — с одной стороны, и демографической — с другой.

Семейная политика и материнский капитал

Необходимо отметить, что в институциональной сфере появилось разграничение и, может быть понимание, различий двух видов политики: демографической и семейной, если судить по названию департамента, где присутствуют оба вида¹⁶. Многие авторы придерживаются далеко не однозначной позиции приравнивания мер демографической политики и мер поддержки многодетных семей, хотя в последнем случае речь идёт о государственной политике поддержки благосостояния этих семей, скатывающихся в связи с появлением детей больших очередностей рождения в бедность и даже в нищету (*extreme poverty* — по терминологии ООН). В большинстве развитых стран эту часть социальной политики относят к политике по отношению к семьям или семейной политике. Таковую же политику декларировали и в нашей стране и время от времени к ней возвраща-

¹⁶ Департамент демографической и семейной политики Минтруда России.

ются. Но самое опасное в концептуальном подходе к этой политике состоит в том, что почти все меры, принимаемые в её русле, приписываются к шагам в рамках пронаталистской политики. В реальности, как показывает мировой опыт, эта политика требует очень значительных средств от государства, должна быть рассчитана на долгосрочный период, но при этом никто не может гарантировать её успеха, а заинтересованные в такой политике не должны ожидать быстрого результата. При этом результат не очевиден, примеров даже небольших успехов мало, а страны, считающиеся успешными, обычно подсчитывают растущее бремя расходов.

Имеются редкие работы, пытающиеся оценить эффективность демографической и семейной политики. Е. А. Калогозов и Р. И. Чупин стремились дать более детальную оценку результатов семейной политики с помощью параметров естественного прироста и человеческого капитала [7, р. 25], выдвигая идею доказательного подхода к семейной политике в России. По мнению авторов, регионы «фактически несут ответственность за аллокационную эффективность и функционирование экономических механизмов семейной политики на местах» [7, р. 32]. Ещё более точно можно было бы сказать о реальном знании ситуации и ответственности со стороны местных (муниципальных) органов власти, но их бюджеты лишают всяких возможностей реализации семейной политики.

Важная и далеко неудовлетворённая потребность на местах в рамках семейной и демографической политики — это наличие мест в дошкольных учреждениях, прежде всего детских садах. За 5 лет действия проекта «Демография»¹⁷ в эксплуатацию было введено 246,2 тыс. мест в результате строительства детских садов. В этот период рождалось ежегодно более 1 млн детей, хотя и с понижающейся тенденцией: от 1,481 млн в 2019 г. до 1,264 млн в 2023 году. Сборники Росстата дают пока-

затели числа мест в расчёте на 1000 детей в возрасте 1–6 лет. Этот индикатор выявляет различия между городами и сёлами: если в городе показатель равен 819, то на селе — 721 (2023 г.).

Если взаимозависимость смертности и уровня образования в отечественных работах исследуется [8], то взаимосвязи рождаемости и образования в рамках теории человеческого капитала и теории экономического роста практически не изучаются на примере России. Мера эффекта этой взаимозависимости более заметна в исследованиях, применяющих более точную и адекватную эконометрическую модель. Существенно больший эффект этой взаимозависимости выявлен в работе, где результаты показали важность человеческого капитала как фактора, лежащего в основе демографических изменений в исторических обществах [9, с. 37]. Значение результатов этого исследования для истории экономического развития заключается в том, что авторы показали: переход к низкой рождаемости был ускорен родительскими инвестициями в детей и, значит, в человеческий капитал в западных экономиках конца XIX — начала XX веков. В работах отечественных учёных, писавших раньше других о демографическом переходе/революции, например, у А. Г. Вишневого и М. А. Клупта, анализ связи изменений в рождаемости с человеческим капиталом отсутствует [10; 11].

Некоторые меры в рамках семейной политики могут косвенно способствовать улучшению ситуации с рождаемостью и выживаемостью будущих матерей и новорождённых. Например, Программа дополнительной продовольственной помощи [12, с. 30–31] в виде продуктовой льготы охватывает 41 млн американцев (среднемесячный показатель 2024 г.¹⁸) с низкими и нулевыми доходами — это программа семейной политики, направленная на улучшение положения бедных семей в самом важном виде их жизнедеятельности, помогает сохранять здоровье членам семьи. Она связана только

¹⁷ Татьяна Голикова обсудила со всеми регионами ход реализации нацпроекта «Демография». 12.11.2024. — URL: <http://government.ru/news/53281/> (дата обращения: 10.04.2025).

¹⁸ Supplemental Nutrition Assistance Program (Программа «продовольственных талонов»). — URL: <https://www.cbpp.org/research/food-assistance/the-supplemental-nutrition-assistance-program-snap> (дата обращения: 01.09.2024).

с благосостоянием бедных семей и не может способствовать изменению уровня рождаемости. Более специализированная в этой сфере программа — Специальная программа дополнительного питания для женщин, младенцев и детей (WIC)¹⁹ — одна из крупнейших программ социальной защиты в США, которая предоставляет продовольственную помощь беременным женщинам и молодым матерям, у которых доход ниже 185% федерального уровня бедности — это приблизительно около 78% от средней заработной платы в американской экономике. В декабре 2023 г. WIC охватывала 6,6 млн человек, среди них 22,4% младенцы, 55,0% дети и 22,6% матери²⁰. Эта программа может непосредственно влиять на рождаемость: благодаря лучшей выживаемости матерей и новорождённых и в результате большей уверенности потенциальных матерей в том, что независимо от конъюнктуры доходов и благополучия семьи они и новорождённые будут надлежаще обеспечены здоровым питанием²¹. Проблема российских семей, которые не могут позволить себе полноценное питание, исследована в работе Е. Е. Гришиной и Е. А. Цацур, посвящённой оценке воздействия материнского капитала на материальное положение семей [14, с. 10], и эта проблема должна кардинально решаться.

Надежды на пронаталистский характер материнского капитала имеют не только исследователи, но и политики, предлагающие установить его более высокий размер для регионов с низкой рождаемостью, введя законом поправочный коэффициент (1,3–2,0) в зависимости от СКР в регионе. В то же время заметный прирост объёма финансирования на выплату материнского капита-

ла начинает вызывать негативные отклики губернаторов и региональных депутатов, связывающих большие выплаты с ростом иждивенчества. Это явление неизбежно, но оно имманентно не принадлежит к институту материнского капитала — такие издержки существуют в любых социальных институтах помощи: от пособий по безработице до талонов на питание. Одним из весомых недостатков этого института социальной помощи является выплата одинаковой суммы семьям независимо от дохода семьи. Такие выплаты требуют, как минимум, дифференцированной шкалы: большего размера выплат менее обеспеченным и меньших выплат при высоких доходах.

Исследование [15] показало, что женщины и их семьи испытывают глубокое недоверие к программе материнского капитала и даже получившие сертификат не активируют его. Напомним, что материнский капитал был введён законом 2006 г. в качестве дополнительной меры государственной поддержки семей. Решая теоретические и практические вопросы определения сущности и назначения средств материнского капитала для приобретения жилья, Н. В. Летова точно называет статью «Материнский капитал как вид социальной поддержки семей ...» [16, с. 96]. Если на выплату материнского (семейного) капитала в 2024 г. в РФ было запланировано потратить 495 млрд рублей, то это составляет 91,3%²² от объёма выплат по WIC, что вполне сопоставимо по затратам и весьма различно по целям, не говоря уже о том, что материнский капитал не учитывает доходы и обеспеченность семей, а, следовательно, может не способствовать уменьшению расслоения семей по доходам. Из более чем тысячи работ, опубликованных после введения этого института, автору не удалось найти ни одной с исследованием влияния этой меры на уменьшение дифференциации семей по доходам. Наиболее близко к этой теме исследование Л. П. Королевой, которая выстроила систему кластеров субъектов РФ по уровню рож-

¹⁹ The Special Supplemental Nutrition Program for Women, Infants and Children (WIC).

²⁰ WIC Program Overview. Report. — URL: <https://www.ncsl.org/human-services/wic-program-overview> (дата обращения: 10.04.2025).

²¹ Американские эксперты при анализе структуры питания по программе WIC отмечали, что матери и дети не получали достаточного количества витамина Е, магния, кальция, калия и клетчатки, и получали избыточное количество насыщенных жиров и натрия, что кардинально повлияло на будущее здоровье в самый критический период их жизни. Влияние на здоровье пересмотра вариантов питания, проведённого в 2009 г., проанализировано в работе [13].

²² Рассчитано автором по обменному курсу ЦБ России, что условно и не учитывает ППС.

даемости и благосостоянию семей с детьми [17, с. 1883].

Любая страна современного мира заботится о детях как своём будущем, но основная цель при этом не вырастить больше детей, а обеспечить всем появившимся на свет благополучное будущее, не обременённое низкими/недостаточными доходами семьи для полноценного и даже гармоничного развития. В каждой стране существует проблема бедных детей и детской депривации в целом. Шотландские специалисты утверждают, что всего 25 фунтов стерлингов в неделю как доплата на ребёнка²³, как это делается в Шотландии, превратило страну в европейского пионера в борьбе с детской депривацией. Эта сумма вполне вписывается в средний размер пособия по уходу за ребёнком неработающим родителям в РФ. Дополнительные выплаты осуществлялись в Шотландии с 2021 г., они помогли вытащить из нищеты в 2023 г. около 90 тыс. детей²⁴, что привело к более низкому уровню бедности детей до 16 лет в Шотландии по сравнению с остальной Великобританией.

Проведение демографической политики и профессиональное образование

Анализ/оценка эффективности любых государственных программ и проектов требует для этого соответствующие профессиональные кадры. Так, ведомства США в рамках программы WIC проводят оценку кадровых потребностей государственных и местных агентств WIC. Есть ли в России соответствующие кадры для оценки эффективности мер государственной демографической политики и политики в области народонаселения? Мы имеем в виду специалистов-демографов, социологов семьи, экономико-географов. И хотя их готовят некоторые организации, но привлекаются ли они государственными институтами к профильной работе и доста-

точно ли этих специалистов для регионов России, в том числе для 20,8 тыс. муниципальных образований? Не просто для работы в качестве специалистов, а как чиновников высшего звена как на региональном, так и местном уровне управления. Именно здесь определяется эффективность распределяемых по программам и национальным проектам средств и возможность точной оценки бедного и нищего населения (семей, домохозяйств), нуждающихся в финансово-материальной помощи и социальной опеке. Но начинать в стране, где кризисная демографическая ситуация [18; 19] констатируется всеми: от правительства до учёных-исследователей, решение поставленной проблемы, как пишут Т.К. Ростовская и О.А. Золотарева, приходится с актуализации «Общероссийского классификатора специальностей по образованию ОК 009–2016 1», в котором необходимо выделить направление подготовки «Демография», так как оно среди специальностей отсутствует [20, с. 208].

Демографическая политика²⁵ является сложным, ступенчатым феноменом как для государства и общества в вопросах формирования её целей и проведения, так и для «фундамента» её понимания/восприятия — исследователями, экспертами, местным самоуправлением и отдельными семьями/домохозяйствами. Фундамент в этих функциональных субъектах мы видим потому, что эти субъекты политики, несмотря на их разнородность, формулируют первичные запросы и ожидаемые решения, которые в определённой мере учитываются на практике. На верхнем институциональном уровне существует непреодолимая тяга демонстрировать активность проводимой демографической политики, приписывая этот статус практически большинству мер социального характера: помощи семьям, расширению здравоохранительной политики, развитию дошкольных учреждений и так далее. Это не субъективная негативная оценка, столь распространённая у критиков, а констатация

²³ Право на получение этой выплаты имеет каждый ребёнок Шотландии.

²⁴ Financial Times. — URL: <https://www.ft.com/content/cf41b5d9-c714-40a2-b66d-251efde61504> (дата обращения: 10.04.2025).

²⁵ Попытка дать оценку результативности демографической политики предпринята в [21].

реальных процессов в российском обществе²⁶. Так, в 2008 г. Минздравсоцразвития России издало приказ о мониторинге региональных программ демографического развития и соответственно ежегодных документах в виде «Отчёта о реализации региональных программ демографического развития». Но при всех современных возможностях в поисках информации найти такие отчёты невозможно за исключением единичных регионов²⁷. Мы выделили этот пример по той причине, что ежегодный мониторинг был обозначен в Концепции демографической политики РФ на период до 2025 г.²⁸ и в соответствующем распоряжении Правительства РФ²⁹.

Слабость федерального уровня понимания и проведения этой политики видна и на примере Методических рекомендаций Минтруда, которые появились только в 2012 г. для регионов и предполагали обязанность осуществлять мониторинг не только демографической ситуации, но и демографического поведения(?). Регионам вменялось выявление как результативности реализации программы, так и «дифференциации этой результативности по разным категориям населения и семей»³⁰. Хотелось бы надеяться, что в самом федеральном органе есть специалисты, которые могут показать существующую дифференциацию результативности по категориям семей на уровне хотя бы страны. Рекомендации были созданы и утверждены еще в тот период, когда в России не существовало такой профессии. Профессиональный стандарт «Демограф» был внесён на обсуждение и утверждение только в 2021 г. [22, с. 9], хотя в рекомендациях говорилось, что они созданы

для специалистов органов исполнительной власти субъектов, занимающихся вопросами разработки и реализации демографической политики в регионах. Об отсутствии таких специалистов говорит факт, отмечаемый Е. Б. Бедриной и К. В. Черновой: «отсутствие демографических дисциплин у студентов данных уровней обучения» [23, с. 5]³¹, а ведь здравоохранительная политика не просто пересекается с демографической, о чем свидетельствует и структура соответствующих национальных проектов [12, с. 24, 26], а является взаимодополняющей. Отметим, что обсуждение профессиональной подготовки демографов, а не просто вопроса о демографической компетентности государственных служащих (что также важно) началось только с 2017 г., то есть спустя 10 лет после выхода указа и распоряжения правительства, выполнение которых могло эффективно осуществляться только при наличии таких специалистов. Даже представители профильного комитета Госдумы РФ (Комитета по защите семьи, вопросам отцовства, материнства и детства), с одной стороны, говорят, что выплаты с учётом критерия нуждаемости не обладают демографическим эффектом, а, с другой, уверяют, что благодаря материнскому капиталу родилось как минимум 2,5 млн детей³².

Образование очень необходимо журналистам, комментирующим заявления депутатов и чиновников, и не в меньшей мере последним, иначе вместо числа родившихся будут говорить и строить планы в отношении уровня рождаемости, планировать повышение показателя рождаемости в 1,5–2 раза в ближайшие пять лет, имея в виду всё то же число рождений, прогнозировать повышение индекса(?) рождаемости и воспроизводства населения в регионе. Хотелось бы выделить и редкие случаи адекватного понимания специфики демографических процессов и их взаимоотношения с динамикой развития. Так, секретарь Общественной палаты РФ Л. Ю. Михеева считает,

²⁶ Мы используем термин «общество», так как это относится не только к государственным структурам, но и части научного сообщества и общественных/ неправительственных организаций.

²⁷ Презентация системы комплексного полимасштабного мониторинга демографического развития региона. Е. Тарасова, начальник контрольного отдела секретариата Губернатора Алтайского края. 20.12.2017.

²⁸ Указ Президента РФ от 9 октября 2007 г. N 1351

²⁹ Распоряжении Правительства РФ от 14 февраля 2008 г. N 170-р «Об утверждении плана мероприятий по реализации в 2008–2010 гг. Концепции ...».

³⁰ Методические рекомендации ...

³¹ Речь идёт о 13 медицинских университетах, вошедших в 100 лучших университетов России.

³² В Госдуме напомнили о мерах поддержки семей с детьми. — URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2025/01063/rossia01.php#1> (дата обращения: 01.04.2025).

что ограничительные и любые императивные установления бессмысленны, так как в демографической сфере они не работают, подчёркивая, что на демографическую динамику влияет экономическое возрождение и рост социального благополучия³³.

Выводы

1. В новом национальном проекте «Семья» целесообразно чётко разграничить меры семейной политики и меры демографической политики, закрепив большую часть первой за регионами и основную нагрузку по второй оставить за федеральной властью. Это необходимо учесть и в разрабатываемой национальной стратегии действий в интересах семьи.

2. Практика внедрения национальных проектов свидетельствует о необходимости большего участия субъектов РФ как для роста эффективности федеральных программ, так и разработки и апробации региональных мер семейной и социальной политики, значение которых показано на примере Шотландии.

3. В качестве императивного приоритета демографической политики на данном этапе достижения национальных целей развития необходимо определить сокращение смертности населения с особым упором на уменьшение сверхсмертности мужского населения трудоспособного возраста. Сохраняющееся неравенство смертности в зависимости от уровня образования «может стать препятствием для устойчивости общего прогресса в области здравоохранения в России» [8, с. 23], что показывает ещё одно важное направление снижения высокого уровня смертности мужского населения, образование которого всё больше отстаёт от женского.

4. Сохранение ориентации на пронаталистскую политику, как и задача роста человеческого капитала, требуют даже при сокращении дошкольных контингентов детей продолжать не только строительство новых детских садов, но и не снижать финансирование детских дошкольных учреждений, сохраняя работников и повышая, как минимум в меру инфляционного роста, их зарплату. В результате произойдёт уменьшение числа детей в группах, повысится качество их обслуживания и воспитания, что будет залогом роста человеческого капитала при их взрослении.

³³ Михеева: властям не стоит вмешиваться в личную жизнь для влияния на демографию. — URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2025/01063/rossia01.php> (дата обращения: 15.04.2025).

Литература и Интернет-источники

1. **Рыбаковский, Л.Л.** Концепция демографической политики России: опыт разработки и пути совершенствования / Л.Л. Рыбаковский // Социологические исследования. — 2015. — № 9. — С. 62–70. EDN: UISNAP
2. **Ткаченко, А.А.** Выходит ли Россия из демографического кризиса? / А.А. Ткаченко // Социально-политический журнал. — 1996. — № 5. — С. 36–41. EDN: YTOLKR
3. **Попов, В.П.** Региональные особенности демографического положения РСФСР в 40-е годы / В.П. Попов // Социологические исследования. — 1996. — № 3. — С. 91–103. EDN: MOUKZX
4. **Shkolnikov, V.M.** Patterns in the relationship between life expectancy and gross domestic product in Russia in 2005–15: a cross-sectional analysis / V.M. Shkolnikov, E.M. Andreev, R. Tursunzade, D.A. Leon // The Lancet Public Health. — 2019. — Vol. 4. — No. 4. — P. e181–e188. DOI: 10.1016/S2468-2667(19)30036-2; EDN: DRTCD5
5. **Улумбекова, Г.Э.** Финансирование системы здравоохранения РФ: динамика, прогнозы, сравнение с развитыми странами / Г.Э. Улумбекова, Н.В. Альвианская // ОРГЗДРАВ: новости, мнения, обучение. Вестник ВШОУЗ. — 2021. — Т. 7. — № 3(25). — С. 36–47. DOI: 10.33029/2411-8621-2021-7-3-36-47; EDN: AATQKG

6. **Ткаченко, А.А.** Охрана здоровья населения в социальном государстве / А.А. Ткаченко // Парадигмы и модели демографического развития: сборник статей XII Уральского демографического форума, (Екатеринбург, 3–4 июня 2021 г.) / ред. О.А. Козлова [и др.]. Т. II. — Екатеринбург : Институт экономики Уральского отделения РАН, 2021. — С. 188–196. DOI: 10.17059/udf-2021-4-19; EDN: RITZZP
7. **Капогузов, Е.А.** Семейная политика в России: эффективность с позиций доказательного подхода / Е.А. Капогузов, Р.И. Чупин // Terra Economicus. — 2021. — Т. 19. — № 3. С. 20–36. DOI: 10.18522/20736606-2021-19-3-20-36; EDN: KBDSRE
8. **Shkolnikov, V.M.** Changes in mortality disparities by education in Russia from 1998 to 2017: evidence from indirect estimation / V.M. Shkolnikov, D. Jasilionis, E.M. Andreev // European Journal of Public Health. — 2022. — Vol. 32. — No. 1. — P. 21–23. DOI: 10.1093/eurpub/ckab070; EDN: OVBGHR
9. **Fernihough, A.** Human capital and the quantity–quality trade-off during the demographic transition / A. Fernihough // Journal of Economic Growth. — 2017. — Vol. 22. — Iss. 1. — P. 35–65. DOI: 10.1007/s10887-016-9138-3; EDN: JELNOK
10. **Клупт, М.А.** Теория демографического развития: институциональная перспектива / М.А. Клупт // Общественные науки и современность. — 2005. — № 2. — С. 139–149. EDN: OOVGVX
11. **Вишневский, А.Г.** Это ключ от другого замка / А.Г. Вишневский // Общественные науки и современность. — 2005. — № 2. — С. 150–155. EDN: OOVGWH
12. **Ткаченко, А.А.** Государственная политика и национальный проект «Демография» / А.А. Ткаченко // Народонаселение. — 2018. — Т. 21. — № 4. — С. 23–35. DOI: 10.26653/1561-7785-2018-21-4-03; EDN: YVSQBN
13. **Guan, A.** Effects of the revised WIC food package on women’s and children’s health: a quasi-experimental study / A. Guan, A. Batra, R. Hamad // BMC Pregnancy Childbirth. — 2022. — Vol. 22. — Article No. 806. DOI: 10.1186/s12884-022-05116-w; EDN: HCSMWQ
14. **Гришина, Е.Е.** Материальное положение семей, использовавших федеральный материнский капитал / Е.Е. Гришина, Е.А. Цацура // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. — 2018. — № 9(115). — С. 39. EDN: YAKZZR
15. **Borozdina, E.** Russia Using maternity capital: Citizen distrust of Russian family policy / E. Borozdina, A. Rotkirch, A. Temkina, E. Zdravomyslova // European Journal of Women’s Studies. — 2016. — Vol. 23. — Iss. 1. — P. 60–75. DOI: 10.1177/135050681454383; EDN: WTKWQZ
16. **Летова, Н.В.** Материнский капитал как разновидность социальной поддержки семей с детьми: проблемы правоприменения и пути решения / Н.В. Летова // Государство и право. — 2022. — № 5. — С. 96–103. DOI: 10.31857/S102694520019750-6; EDN: PRARPG
17. **Королева, Л.П.** Социальная политика регионов: снижение бедности среди семей с детьми и стимулирование рождаемости / Л.П. Королева // Региональная экономика: теория и практика. — 2020. — Т. 18. — № 10(481). — С. 1869–1893. DOI: 10.24891/pe.18.10.1869; EDN: QBDRWL
18. **Ткаченко, А.А.** Демографическая ситуация и национальная экономика России в первом десятилетии XXI в. / А.А. Ткаченко // Власть. — 2012. — № 10. — С. 4–9. EDN: PEOAPV
19. **Рыбаковский, О.Л.** Воспроизводство населения регионов России в 1992–2024 гг.: итоги, компоненты, факторы / О.Л. Рыбаковский // Народонаселение. — 2024. — Т. 27. — № 4. — С. 4–17. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-4-4-17; EDN: XLNRPC
20. **Ростовская, Т.К.** Демографическое развитие: концептуализация модели кадрового потенциала в области исследования и управления / Т.К. Ростовская, О.А. Золотарева // Россия реформирующаяся. — 2022. — № 20. — С. 200–228. DOI: 10.19181/ezheg.2022.8; EDN: HQJCXI
21. **Губачев, Н.Н.** Государственная демографическая и национальная политика: аспекты гармонизации / Н.Н. Губачев, О.В. Одинцова. — Москва : Российский государственный университет имени А.Н. Косыгина, 2024. — 197 с. EDN: MZWKPQ
22. **Ростовская, Т.К.** На пути к возрождению демографического образования в современной России / Т.К. Ростовская, О.А. Золотарева // Научный результат. Педагогика и психология образования. — 2022. — Т. 8. — № 1. — С. 3–14. DOI: 10.18413/2313-8971-2022-8-1-0-1; EDN: IOQXTI

23. **Бедрина, Е.Б.** Профессиональные стандарты как основа развития и совершенствования знаний в области демографии / Е.Б. Бедрина, К.В. Чернова // Human Progress. — 2021. — Т. 7. — № 3. — С. 5. DOI: 10.34709 / IM.173.5; EDN: ORUGXV

Сведения об авторе:

Ткаченко Александр Александрович, д.э.н., проф., главный научный сотрудник Института исследований международных экономических отношений, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: AATkachenko@fa.ru; ORCID: 0000-0002-8828-1761; ПИНЦ SPIN-код: 4164-7174.

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-4-15-28

CONCEPTUAL APPROACHES TO DEMOGRAPHIC REPRODUCTION AND DEMOGRAPHIC POLICY

Alexander A. Tkachenko

Financial University under the Government of the Russian Federation
(49 Leningradsky prospect, Moscow, Russia, 125993)

E-mail: alaltkachenko@gmail.com

For citation:

Tkachenko A. A. Conceptual approaches to demographic reproduction and demographic policy. *Narodonaselenie [Population]*. 2025. Vol. 28. No. 4. P. 15-28. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-4-15-28 (in Russ.)

Abstract. *The topic of the research is the concepts of demographic policy and new national projects in the light of their continuity. The object of the study is the main provisions of conceptual documents on demographic and family policy. The purpose of the study is to identify the degree of continuity in the goals and objectives of demographic development in Russia in connection with the adoption of new development goals for 2036 and new national projects. The research methods are a comparative analysis of documents from federal institutions and an analysis of similar solutions from other countries that could be tested. The results of the study show that there is no clear distinction between demographic and family policies in the new national projects being developed, and that they are oversaturated with information and tasks that are not directly related to these types of social policy. Using the example of feldsher-midwife stations, which have been decreasing since 2014 even during the pandemic, it was concluded that without changing such trends, achievement of the main goal of 2036 — improving the well-being of citizens — is impossible. The public health system plays a vital role in the full development and well-being of children, and it needs significant improvement. The conclusion is substantiated that it is unlawful to criticize maternity capital due to the possible increase in dependency — this phenomenon is inevitable with any type of social payments, but it is insignificant compared to the overall good of the benefits. The real disadvantage of maternal (family) capital is lack of a differentiated scale of payments depending on family income. The absolute priority of demographic policy at this stage of achieving the national development goals should be reducing mortality, primarily excess mortality among working-age males.*

Keywords: *national projects, demographic concepts, healthcare institutions, rural demography, mortality reduction, human capital.*

References and Internet sources

1. Rybakovsky L. L. Kontseptsiya demograficheskoy politiki Rossii: opyt razrabotki i puti sovershenstvovaniya [Demographic policy concept in Russia: experiences in development and ways of improving]. *Sotsiologicheskije issledovaniya [Sociological Studies]*. 2015. No. 9. P. 62–70. (in Russ.)
2. Tkachenko A. A. Vyhodit li Rossiya iz demograficheskogo krizisa? [Is there the end of demographic crisis in Russia?]. *Sotsialno-politichesky zhurnal [Socio-Political Journal]*. 1996. No. 5. P. 36–41. (in Russ.)
3. Popov V. P. Regional'nyye osobennosti demograficheskogo polozheniya RSFSR v 40-e gody [Regional features of the demographic situation of the RSFSR in the 40s]. *Sotsiologicheskije issledovaniya [Sociological Studies]*. 1996, No. 3. P. 91–103. (in Russ.)
4. Shkolnikov V. M., Andreev E. M., Tursun-Zade R., Leon D. A. Patterns in the relationship between life expectancy and gross domestic product in Russia in 2005–15: a cross-sectional analysis. *The Lancet Public Health*. 2019. Vol. 4. No. 4. P. e181–e188. DOI: 10.1016/S2468-2667(19)30036-2
5. Ulumbekova G. E., Alvianskaya N. V. Finansirovaniye sistem zdravookhraneniya RF: dinamika, prognozy, sravneniye s razvitymi stranami [Healthcare systems financing in the Russian Federation: dynamics, prognoses, comparison with developed countries]. *ORGZDRAV: novosti, mneniya, obuchenije. [Healthcare Management: News, Views, Education. Bulletin of VSHOUZ]*. 2021. Vol. 7. No. 3(25). P. 36–47. DOI: 10.33029/2411-8621-2021-7-3-36-47 (in Russ.)
6. Tkachenko A. A. Okhrana zdorov'ya naseleniya v sotsial'nom gosudarstve [Public health protection in a social state]. Paradigmy i modeli demograficheskogo razvitiya: Sbornik statej 12 Ural'skogo demograficheskogo foruma, [Paradigms and Models of Demographic Development. Proceedings of the XII Ural Demographic Forum. Ekaterinburg, June 3–4, 2021]. Eds. O. A. Kozlova et al. Vol II. Ekaterinburg. Institut ekonomiki Ural'skogo otdeleniya RAN [Institute of Economics of the Ural Branch RAS]. 2021. P. 188–196. DOI 10.17059/udf-2021-4-19 (in Russ.)
7. Kapoguzov E. A., Chupin R. I. Semejnaya politika v Rossii: effektivnost' s pozitsij dokazatel'nogo podkhoda [Effectiveness of family policy in Russia: evidence-based approach]. *Terra Economicus*. 2021. Vol. 19. No. 3. P. 20–36. DOI: 10.18522/20736606-2021-19-3-20-36 (in Russ.)
8. Shkolnikov V. M., Jasilonis D., Andreev E. M. Changes in mortality disparities by education in Russia from 1998 to 2017: evidence from indirect estimation. *European Journal of Public Health*. 2022. Vol. 32. No. 1. P. 21–23. DOI 10.1093/eurpub/ckab070
9. Ferniough A. Human capital and the quantity–quality trade-off during the demographic transition. *Journal of Economic Growth*. 2017. Vol. 22. Iss. 1. P. 35–65. DOI: 10.1007/s10887-016-9138-3
10. Klupt M. A. Teoriya demograficheskogo razvitiya: institutsional'naya perspektiva [Theory of demographic development: institutional perspective]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost' [Social Sciences and Contemporary World]*. 2005. No. 2. P. 139–149. (in Russ.)
11. Vishnevsky A. G. Eto klyuch ot drugogo zamka [This is the a key to another lock]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost' [Social Sciences and Contemporary World]*. 2005. No. 2. P. 150–155. (in Russ.)
12. Tkachenko A. A. Gosudarstvennaya politika i natsional'nyj proekt «Demografiya» [State policy and national project Demography]. *Narodonaselenie [Population]*. 2018. Vol. 21. No. 4. P. 23–35. DOI: 10.26653/1561-7785-2018-21-4-03 (in Russ.)
13. Guan A., Batra A., Hamad R. Effects of the revised WIC food package on women's and children's health: a quasi-experimental study. *BMC Pregnancy and Childbirth*. 2022. Vol. 22. Article No. 806. DOI: 10.1186/s12884-022-05116-w
14. Grishina E. E., Tsatsura E. A. Material'noye polozheniye semej, ispol'zovavshikh federal'nyj materinskij kapital [Financial situation of families who used federal maternity capital]. *Upravlениe ekonomicheskimi sistemami: elektronnyj nauchnyj zhurnal [Management of Economic Systems]*. Electronic scientific journal. 2018. No. 9(115). P. 39. (in Russ.)
15. Borozdina E., Rotkirch A., Temkina A., Zdravomyslova E. Russia Using maternity capital: Citizen distrust of Russian family policy. *European Journal of Women's Studies*. 2016. Vol. 23. Iss. 6. P. 60–75. DOI: 10.1177/135050681454383

16. Letova N. V. Materinskij kapital kak raznovidnost' sotsial'noj podderzhki semej s det'mi: problemy pravoprimereniya i puti resheniya [Maternal capital as a type of social support for families with children: problems of law enforcement and solutions]. *Gosudarstvo i pravo* [State and Law]. 2022. No. 5. P. 96–103. DOI: 10.31857/S102694520019750–6 (in Russ.)
17. Koroleva L. P. Sotsial'naya politika regionov: snizhenije bednosti sredi semej s det'mi i stimulirovanije rozhdaemosti [Social policy of the regions: reducing poverty among families with children and stimulating fertility]. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika* [Regional Economics: Theory and Practice]. 2020. Vol. 18. No. 10 (481). P. 1869–1893. DOI: 10.24891/re.18.10.1869 (in Russ.)
18. Tkachenko A. A. Demograficheskaya situatsiya i natsional'naya ekonomika Rossii v pervom desyatiletii 21 v [Demographic situation and national economy of Russia in the first decade of the 21st century]. *Vlast'* [Authority]. 2012. No. 10. P. 4–9. (in Russ.)
19. Rybakovsky O. L. Vosproizvodstvo naseleniya regionov Rossii v 1992–2024 gg.: itogi, komponenty, faktory [Reproduction of the population of the regions of Russia in 1992–2024: results, components, factors]. *Narodonaselenie* [Population]. 2024. Vol. 27. No. 4. P. 4–17. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-4-4-17 (in Russ.)
20. Rostovskaya T. K., Zolotareva O. A. Demograficheskoe razvitiye: kontseptualizatsiya modeli kadrovogo potentsiala v oblasti issledovaniya i upravleniya [Generation of a conceptual model of human resources in the field of demographic development]. *Rossiya reformiruyushchayasya* [Russia under Reform]. 2022. No. 20. P. 200–225. DOI: 10.19181/ezheg.2022.8 (in Russ.)
21. Gubachev N. N., Odintsova O. V. Gosudarstvennaya demograficheskaya i natsional'naya politika: aspekty garmonizatsii [State Demographic and National Policy: Aspects of Harmonization]. Moscow. Kosygin State University. 2024. 197 p. (in Russ.)
22. Rostovskaya T. K., Zolotareva O. A. Na puti k vozrozhdeniyu demograficheskogo obrazovaniya v sovremennoj Rossii [On the way to the revival of demographic education in modern Russia]. *Nauchnyy rezul'tat. Pedagogika i psihologiya obrazovaniya* [Research Result. Pedagogy and Psychology of Education]. 2022. Vol. 8. No. 1. P. 3–14. DOI: 10.18413/2313-8971-2022-8-1-0-1 (in Russ.)
23. Bedrina E. B., Chernova K. V. Professional'nyye standarty kak osnova razvitiya i sovershenstvovaniya znaniy v oblasti demografii [Professional standards as a basis for development and improvement of knowledge in the field of demography]. *Human Progress*. 2021. Vol. 7. No. 3. P. 5. DOI: 10.34709/IM.173.5 (in Russ.)

Information about the author:

Tkachenko Alexander Alexandrovich, Doctor of Economics, Professor, Chief Researcher, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: alaltkachenko@gmail.com; ORCID: 0000-0002-8828-1761; Elibrary SPIN-code: 4164–7174.

Статья поступила в редакцию 03.03.2025, утверждена 10.11.2025, опубликована 30.12.2025.